

Частная школа: по закону имеем право, но... не можем

София СТОЛБУНОВА, директор частной школы

Тема статьи, которую мы вам предлагаем, нечастая на страницах журнала «НО». Это объяснимо: частная школа, по утверждению многих квалифицированных специалистов, никогда не решит проблемы образования населения России. Общеобразовательная школа в нашей стране была, остаётся и будет бесплатной.

Но реалии таковы, что в последние годы появились частные школы. И хотя их всего 1%, они работают, выполняют свои функции, востребованы частью родителей. В них учатся дети наших сограждан, и поэтому частные школы вправе рассчитывать на определённое государственное финансирование. Пока же они находятся в дискриминационных условиях.

По закону РФ «Об образовании» все дети равны. Но на ребёнка в государственной школе государство отпускает средства, а в частной — нет. При том количестве частных школ, что есть сегодня, и детей в них, мы мало что экономим для детей из бедных семей. Но при этом теряем многие экспериментально-инновационные полигоны, оплаченные в основном родителями. Такую финансовую политику в отношении частных школ вряд ли можно назвать государственной...

В России больше века не утихают споры: чему учить и как учить? Мощная система народного образования, организованная по строгой, иерархической системе, начала давать сбои. Как ни стараются органы управления, а всё труднее и труднее управлять не только учениками, но и учителями. Быстро восприняв основные лозунги рыночной экономики, учителя усвоили: надо учить за государственную зарплату только тех, кто легко обучаем. А вот те, кому что-то не очень даётся, пусть-ка выкладывают за это деньги. Есть и расценки (правда, при поступлении в вуз): «в Москве в зависимости от изучаемого предмета цены колеблются от 20 до 80 долларов за академический час (45 минут). Дороже всего занятия по математике и иностранным языкам — 50–80 долларов»¹. Так что в Москве многие учителя «делают деньги».

Комсомольская правда. 2002. 11 мая.

А ученики? Вот здесь, как в доме Облонских, «всё смешалось», — бывшие двоечники владеют магазинами, газетами, заводами, а бывшие отличники (сотрудники секретных НИИ) ищут в помойках пустые бутылки. Успешные бизнесмены (как они учились в школе? Скорее всего, средне), прожив со своей женой 10–15 лет, оставляют её вместе с детьми и «покупают» живую модель Барби с параметрами 90–60–90, подвергать которую тесту на IQ — пустая затея... Не буду приводить страшилки (ими пестрят заголовки в газетах) об убийствах разного сорта — заказных и бытовых, групповых, индивидуальных. Чему и как учились эти... не знаю, как их и назвать?

Так какое у нас образование — хорошее или плохое? Как оценивать человека: по отметкам в аттестате (как это делают в школе) или по его успешности в жизни? И нужно ли это делать вообще? И к чему приведут государственные образовательные стандарты, за введение которых ратуют уже в Государственной Думе? И как образовывать (воспитывать) детей, чтобы взрослый человек не ломался в сложной жизненной ситуации, не бросал своих детей, не мог посягнуть на жизнь другого человека?

Довелось мне недавно общаться с девятилетним мальчиком (каникулы, его мама занята малярными работами в больнице). Он поведал мне, что последней книжкой, которую он прочитал, был «Мальчиш-Кибальчиш». Книжка понравилась, но он в ней ничего не понял: о какой-такой тайне не рассказал проклятым буржуинам Мальчиш-Кибальчиш?

Действительно, тайны больше нет. Есть одна общая судьба: и у нас, и у прежде «проклятых буржуинов», ибо мы сами вступили в их буржуинское общество. Вступили и тем

самым приняли на себя все буржуинские противоречия, о которых нас предупреждали когда-то Карл Маркс с другом Фридрихом Энгельсом: блеск и нищета, взлёты и падения, золотые ванные комнаты и детские обмороки от голода. И если капиталистическое общество уже научилось смягчать, сглаживать эти противоречия, бороться с ними, то мы этого ещё не умеем.

Как в таких условиях ещё жива школа — уму непостижимо. Видимо, это в крови у русских: чем труднее жизнь, тем больше сопротивление.

Мой знакомый 9-летний малыш уже не проникнут советским духом, чтобы понять тайну Мальчиша. Для нашего же поколения в своё время была разработана мощная идеологическая пропаганда, которая двигала всеми колёсиками и винтиками системы. И всё же, наверное, было и ещё что-то, кроме этой идеологии, в нашей молодости, если учителя и сегодня без зарплаты учат, врачи лечат, а учёные что-то открывают и изобретают. Без зарплаты не хотят работать почему-то только чиновники и банковские работники.

Что же это за тайна в гайдаровской повести, которую мы утратили? В ответе на этот вопрос, думаю, и состоит смысл нашей работы.

Есть несколько подходов к ответу на него. Первый — технократический, продолжающий традиции советской политехнической школы, выполнившей задачу своего времени: дать ученикам основы наук; как можно больше, полнее, «набить» их знаниями «под завязку», а там неважно, пригодятся они или нет. В вузе — узкая специализация для решения задач военно-промышленного комплекса, тяжёлой, нефте- и газодобывающей промышленности.

Модификация этого подхода к образованию — стремление во что бы то ни стало компьютеризировать учебный процесс, ввести мультимедиа, Интернет, дистанционное обучение. Урбанизация, информационная насыщенность образования стремительно растут. Уже выросло поколение мальчиков, которые предпочитают общение с компьютером общению со сверстниками.

Второй подход к ответу на вопрос: чему учить? — основывается на отношении к человеку как существу одушевлённому (обладающему душой). Никакой даже самый изысканный набор наук не сможет научить человека быть нравственным, заботиться о своей душе, о природе, о других людях, думать о смысле жизни. Предметом религиозного образования (примером может служить концепция образования в образовательном учреждении «Петершудле», Санкт-Петербург) стало постижение православной христианской мудрости как знания об истинном смысле времени и жизни. Но трудно представить себе, чтобы вся наша государственная система образования перешла на религиозные основы, как это было когда-то в царской России.

Да, человек рождается, чтобы по прошествии некоторого времени умереть. Но в течение этого временного отрезка, имя которому — жизнь, он должен учиться, работать, воспитывать детей и желательно, чтобы всё это он делал с удовольствием, с радостью. Этому мы, учителя, и должны научить наших детей — учиться с удовольствием, найти такую работу, чтобы выполнять её с радостью (хотя не всегда так бывает), любить жизнь и других людей, а потом передать всё это детям.

Если мы сменим приоритеты, то в процессе обучения естественным наукам покажем детям, что каждый из них — частичка природы, Космоса, Земли, а заботиться о природе можно всегда, постоянно — то ли сажая цветы, то ли вычищая загрязнённый ручей, то ли просто промывая рану на лапе собаки. **Философия здравого смысла, житейской мудрости и человеческой доброты должна помогать нам в обучении и воспитании нового поколения.** Эта философия и покажет, кого и что мы хотим воспитать, чтобы не было «мучительно больно» в старости.

Какими мы хотим видеть наших выпускников? Юноша — эта развитая творческая личность, с аналитическими способностями, логичен, склонен к быстрому анализу ситуации, просчитывает все варианты, интуитивно чувствуя оптимальный, готов овладеть профессией в соответствии со способностями и склонностью, имеет твёрдые нравственные основы, патриот. Девушка — по преимуществу может «жить сердцем», эстетически развита (воспринимает

музыку, живопись, у неё хороший художественный вкус), знает, как сохранить семью, воспитать ребёнка, мир воспринимает целостно, хорошо одевается; любознательна, подготовлена к профессиональному росту, инициативна и предприимчива; имеет чёткие нравственные ориентиры, добра и приветлива.

Можно ли достичь такого идеала в наше время? Многие ответят «нет» и будут правы. Правы в том смысле, что этот «школьный» идеал недостижим, если в обществе, в государстве — чехарда, если растут наркомания, коррупция, проституция и преступность.

Так что же делать, чтобы воплотить этот идеал в жизнь?

Для любой образовательной новации необходимы средства. А их, как известно, нет. Однако бюджет утверждается, деньги налогоплательщиков тратятся, а финансирование образования до сих пор — вопрос вопросов. Значит, не забывая время от времени трясти государственную казну, надо искать другие источники финансирования. Мысль не нова, и уже сейчас государство предлагает 45% средств изыскивать в других местах, а журнал «Вестник образования» объявил конкурс на лучший проект «Формула экономического выживания».

В России несколько сотен частных школ (точнее, 662, в них обучается 65,9 тыс. человек, что составляет 1% от общего числа учреждений и 0,3% от численности обучающихся). Они возникли 10 лет назад, многие уже благополучно «скончались», не выдержав тяжёлых условий капиталистической действительности. Однако есть школы, которые (в одной Москве их 215) при отсутствии крыши — как над головой, так и в переносном смысле — умудряются не только выживать, но и успешно работать. И что самое удивительное — их услуги пользуются спросом, и чем дальше, тем больше. **Следовательно, в частной школе уже возникла некая формула экономического выживания.** Вчитаемся в неё, т.е. попробуем ответить на вопрос: почему родители определяют детей в частную школу? Неужели потому, что некуда деньги девать? Отнюдь. На примере нашего учебного заведения знаю: как только родителям кажется, что здесь учат не тому и не так, они тут же вспоминают о некой сумме, ежемесячно уходящей из бюджета, и норовят ни в коем случае не платить полагающуюся по контракту неустойку.

Перелистаем справочник: «адекватное современным требованиям всестороннее образование детей», «индивидуальные особенности учащихся», «музыкально-эстетическое обучение», «теннис, бассейн, конный спорт», «музеи, экскурсии, заграничные поездки», «нетрадиционные методы обучения», «духовная культура учащихся», «непрерывное полное образование». Даже неполный перечень даёт представление о том, чем же «заманивают» частные школы клиентов. Но хочется спросить: а кто мешает это делать государственным и муниципальным учреждениям? С их-то базой — помещением, мебелью, каким-никаким оборудованием!

Посмотрим, кто учредители (по материалам московских частных школ): учредители Московской экономической школы — Московская товарная биржа, Инкомбанк; Школа-вуз «Современное образование»: Агропромбанк, ТОКОбанк, Росгосстрах, Ассоциация российских банков, АО «Юганск-нефтегаз», АО «Подмосковное». Правда, не у каждой частной школы есть такие солидные учредители. Нет их и у Гуманитарного колледжа. Но в таком случае может быть один выход: убедить государство, общество и солидные организации в том, что образование детей сегодня — это наше благополучное завтра, и создать специальный Фонд содействия образованию в стране.

Родители тоже готовы (по крайней мере, те, кто имеет постоянную зарплату, доход) доплачивать за образование детей свыше Базисного учебного плана и выше государственного стандарта, освоение которого не гарантирует поступления в высшее учебное заведение.

Теперь, когда мы разобрались со средствами, подумаем о создании материальной базы.

И здесь существуют свои резервы и ресурсы. Совсем не обязательно в каждой школе создавать свою медиатеку, свой выход в Интернет, свою библиотеку и так далее. Можно объединить усилия и создать такие центры, сконцентрировав в одной школе лаборатории естественнонаучных знаний, в другой — мощный компьютерный центр с медиатекой и Интернетом, возможно даже проведение виртуальных уроков по различным предметам (математика, физика, английский язык и т.д.) в исполнении заслуженных профессоров и учителей

всемирно известных вузов («Открытый колледж» МФТИ).

Представим себе, что средства найдены, материальная база создана, есть междушкольная ремонтная бригада, которая по проектам, разработанным в дизайнерском центре Гуманитарного колледжа, по себестоимости ремонтирует все школы. А что дальше?

Вот теперь дело за основными тенденциями обучения, представленными в Базисном учебном плане. Эти направления уже разработаны и с той или иной степенью результативности воплощаются в личностно-ориентированных системах обучения (пока, правда, только в начальной школе). Значит, задача в том, чтобы мы наш идеал выпускника заложили в объём плана — с первого по последний класс, каким бы он ни был — десятым, одиннадцатым или двенадцатым. В настоящее время создано море программ, горы учебной и методической литературы. Отсутствует только одно: **целостный подход к этим программам и литературе**. Опять пресловутая преемственность, которой по-прежнему нет. Правда, уже вышли в свет программы-2100 (математика по Л.Петерсон, риторика по Н.Ладыженской и т.д.), в которых есть попытка построить вертикали по предметам. Есть такая попытка и в Гуманитарном колледже, примером чего стала программа по русской словесности.

Построение Базисного учебного плана на культурологических основаниях представлено в разработке Центра гуманитарного образования Министерства образования РФ. Многие в нём привлекают. Мысль о том, что необходимо переосмыслить роль школы как института образования, перейти от представлений о науке как об универсальном, едином знании к новому видению научного знания; соотнести образование и самопознание человека, помочь молодым людям освоить нравственные нормы и ценности представляется особенно важной.

Из образовательных областей, доселе не известных традиционному обучению в школе, хотела бы отметить специальные аспекты обучения: моделирование явлений и процессов природы; в области культурной антропологии — моделирование пространственно-временных взаимосвязей народов и культур; в социальной антропологии — моделирование социальных отношений и процессов действительности.

Жизненный опыт, передаваемый из поколения в поколение, — вот содержание образования. Однако почему этот опыт, абсолютизированный и очищенный от всякого субъективизма (это уже и не опыт), превращённый в якобы научное знание (полноты научного знания в школьных учебниках всё равно нет) и поданный с государственной точки зрения, должен в равной мере усваивать каждый ученик? Этот путь был необходим тоталитарному государству, когда образование было государственной монополией и выполняло свою пропагандистскую, идеологически выдержанную задачу. Но теперь-то? Провозгласив создание демократического, открытого общества, государство должно признать и право каждого гражданина на выбор того типа, вида, содержания образования, которое он считает приемлемым для своего ребёнка. Формально это так и есть. А фактически?

Частная школа — это частная инициатива. Разрешив Законом РФ «Об образовании» создание частных школ, чиновники позже схватились за голову и стали сводить на нет всю позитивную суть этого движения. Во-первых, так и остался непроработанным вопрос о помещениях. Где может (или должна) располагаться частная школа? Эта неопределённость дала основание «образованцам» так прямо и говорить: сами заварили кашу — сами и расхлёбывайте. Открыли школу — сами ищите для неё помещение. Покупайте, арендуйте помещение детского сада у тех, кто его уже купил. Или закрывайтесь. Мы и без вас проживём. У большинства возникших по инициативе родителей негосударственных школ не было ни стартового капитала, ни поддержки. Частная школа вообще не воспринималась как бизнес. Даже по юридическому определению: негосударственное образовательное учреждение — это некоммерческая организация. Здесь-то самое время поговорить *о любви государства к частной школе*.

...Только что вернулась с традиционного августовского совещания в Белом доме. Планы грандиозные, главный — повышать качество образования. О частной школе — не произнесено ни единого звука, хотя уж мы-то о качестве образования можем рассказать... Иначе к нам не приводили бы детей...

Ну, особой любви у государства к частной школе никогда не было. И будет ли в ближайшее время?

Закон РФ «Об образовании» разрешил создавать частные школы поначалу в любой организационно-правовой форме. Сколько их тогда возникло! Росли, как грибы после дождя. Ну, как же — свобода, твори, что хочешь: в форме ТОО, АО, ИЧП и т.д. (Наивные, мы тогда полагали, что когда-нибудь школа сможет приносить прибыль...)

...Нас было четверо — школьные учителя и вузовские преподаватели. Нам очень хотелось создать свою школу. Чтобы в ней было всё хорошее из нашего прошлого и частичка «светлого будущего». Мы твёрдо знали, чего в этой школе не будет: зла, унижения детей, нелюбви к ним, непрофессионализма. А ещё хотелось преодолеть те психологические и возрастные «разрывы», которые сопровождают ребёнка при переходе из детского сада — в первый класс, затем в пятый, потом в десятый... Увлекала идея непрерывного образования, включая первую ступень высшего или среднего профессионального. Вокруг множились экономические и юридические факультеты, а мы хотели создать непременно гуманитарное учебное заведение. И создали колледж. Назвали его «Высший частный гуманитарный колледж «Русский центр» (а за этим названием была ещё одна перспектива: обучать иностранцев русскому языку, знакомить их с русской культурой, а заработанные деньги вкладывать в обучение «родных» детей). Было это в августе 1993 года.

Жизнь нашего учебного заведения потекла стремительно. Первую лицензию мы получили в недрах Министерства образования. Правда, её никак не хотел признавать местный Департамент образования, поэтому пришлось получать вторую лицензию. Разместился колледж первоначально на территории школы, занятия шли во вторую смену, но... школьные учителя распространили слух, что мы вскоре их здание приватизируем, а их самих из школы выгоним (вот почему, видимо, и был объявлен бессрочный мораторий на приватизацию школ). Нам пришлось перебраться в комнату школьника по соседству. Сначала у нас было только две комнаты. Часто посетители комнаты школьника, соседи, ростом под метр девяносто с хорошо пробившимися усами пробовали заглянуть к нам на урок... В борьбе за оставшиеся пять комнатушек, часть из которых была завалена негодным мусором, прошло ещё два года...

А в 1996 году грянула новая редакция Закона «Об образовании». Видно, кому-то показались огромными прибыли от образования, которые распирала карманы учредителей частных школ. (Кому доказывать, что первый год мы работали без зарплаты, платили только учителям. Да и второй и третий годы были очень тяжёлыми.) Статья 11.1 о том, что «Негосударственные образовательные организации могут создаваться в организационно-правовых формах, предусмотренных гражданским законодательством РФ для некоммерческих организаций», в местных органах управления была понята очень узко: только в форме НОУ (негосударственного образовательного учреждения), и больше ни в какой. Хотя нас больше привлекало автономное партнёрство.

Что ж делать? Пришлось учредить НОУ, оставив материнское ТОО «Русский центр». При этом мы сняли два ключевых слова из нашего прежнего названия: «высший» и «частный» — чтобы «не дразнить гусей». Только мы это проделали, только приняли деньги на новый счёт, оставив рублей 200 в кассе «Русского центра», как к нам нагрянули люди в камуфляже с автоматами...

«Мы пришли брать кассу», — заявил один из них, предъявив своё удостоверение представительной Надежде Михайловне, бухгалтеру. На «пигалицу» напротив бравые молодцы даже не обратили внимания. И вдруг раздался её голос:

— Простите, что вмешиваюсь, я директор. Скажите, пожалуйста, вы какой организации кассу собирались брать?

— Русского центра.

— Прекрасно. Надежда Михайловна, покажите молодым людям кассовую книгу. Вот остаток — 200 рублей. Будете брать?

Молодцы растерялись. Один — другому: «Выйди, я сам разберусь». Узнав, что деньги

находятся в кассе Гуманитарного колледжа, ребята приуныли. Ведь только накануне в такой же ситуации они легко «взяли» 140 тысяч рублей (неденоминированных). И тут хотели взять тысяч 70.

Что это за деньги? А все налоговые льготы за все прошлые годы. Ни больше и ни меньше! Раз организовались не в той форме, верните всё обратно! И неважно, что до 1996 года сама налоговая инспекция давала разрешение на некоторые льготы... Да что говорить — примером нам стала «Новая школа» В.Гиршовича, которая к тому времени сумела отсудить 4 миллиона, требуемые с них налоговой службой. Только тем и спаслись, что на комиссию принесли с собой журнал «Частная школа» с публикацией «Защита Гиршовича» (спасибо В.Жукову, главному редактору журнала, «министру без портфеля» негосударственного образования).

До сих пор, несмотря на статью 40 п. 3 Закона РФ «Об образовании», налоговые службы не хотят признавать её, так как у них свой закон — Налоговый кодекс, который не согласован с Законом РФ «Об образовании». От оплаты на землю под нашим зданием нас тоже не освобождают...

Но ещё замечательнее следующая, 41-я статья. По договору между материнской организацией (которая не ведёт никакой деятельности) и колледжем он функционирует на условиях самофинансирования. Однако мы прекрасно изучили п. 7 этой статьи, которая гласит: «Негосударственные общеобразовательные учреждения получают право на государственное и (или) муниципальное финансирование с момента их государственной аккредитации в случае реализации ими основных общеобразовательных программ». Вот почему для нас важно было получить государственную аккредитацию. И мы её получили! Правда, сразу после этого нас никто не спешил финансировать. Мы поинтересовались в Министерстве образования, почему такие проволочки, ведь мы имеем право на финансирование, ждём этих денег... В ответном письме министерские работники, обозвав «Русский центр» «Русским сувениром» (хорошо, что не самоваром), посоветовали «разобраться на месте». А на месте сказали, чтобы мы «не возникали», а то «вообще ничего» не дадут. Ведь аккредитацию-то мы получили досрочно и всего на 2 года. Чтоб не зазнавались. Так за 6 лет мы трижды проходили государственную аттестацию и аккредитацию. **Но и плановая аккредитация мало что изменила в финансовых обязательствах государства по отношению к частной школе.**

Какую же финансовую помощь (по закону и реально) оказало государство негосударственному образовательному учреждению Гуманитарный колледж? Оказало, **но в размерах гораздо ниже нормативных.** Когда администрация колледжа поднимала вопрос о том, почему так скудно нас финансируют, ответ был такой: «Нормативы для частных школ не разработаны».

А что — есть разница между «государственным» и «частным» ребёнком? После наших неоднократных обращений к заместителю мэра появился некий документ о нормативе. В 2000 г. (о, счастье!) Департамент финансов известил нас письмом о том, что мы будем профинансированы на сумму 203,3 тысячи рублей, однако не успели мы обрадоваться, как увидели, что с нами опять лукавят. На наше письмо, отправленное 23 октября 2000 г., мы ждали ответа около 2 месяцев. По телефону нам постоянно отвечали, что ответ на подписи у руководства. И вот 5 января прошлого года мы получаем долгожданный ответ. Всё гладко в этом письме, названа причина отсутствия финансирования (пряников не хватает на всех), есть и следствие: решили проблему за счёт частной школы. Неясно одно: как это согласуется с законом? И посоветоваться не с кем. Кстати, на 2001 год заранее, заблаговременно Департамент финансов урезал финансирование на 40 тысяч рублей, мотивируя это «понижающим коэффициентом». Почему же этот удивительный коэффициент не работает, когда устанавливают зарплату чиновникам? Обращались в управление муниципальным имуществом с просьбой выделить помещение. Получали один ответ: «Покупайте, коли деньги есть, а нет — ну, что же...»

Нас много раз «закрывали»: СЭС, пожарные, чиновники. Однажды, в период выборной президентской кампании, так и сказали: «Вот придёт Зюганов — и вас закроют». Но остался Ельцин... А теперь пришёл В.Путин. Мы с ним почти ровесники: мне 50 лет. И что — теперь нашу школу «закроет» мой сосед по парте? Тогда пусть хотя бы предупредит заранее. Я

подготовлюсь, перестану строить школу, открою магазин и буду торговать собственным изделием: я придумала чудо-коврик для наших ленивых учеников, которые не любят вытирать ноги. Они встают на коврик — и он сам чистит их грязные подошвы...

Но обратимся вновь к Закону РФ «Об образовании». Статья 39 п. 5 гласит: «Негосударственное образовательное учреждение пользуется преимущественным правом на приобретение ранее закреплённой за ним или арендуемой им отчуждаемой государственной и (или) муниципальной собственности». Вот только кто и как должен «ранее закрепить» эту собственность, закон не сообщает. И пускаются частные школы во все тяжкие. Первый заместитель министра А.Киселёв в письме Министерства образования РФ от 12 мая 2000 г. № 710/11-13 сообщает, что «сведения, представленные регионами, ярко показывают нехватку площадей для негосударственных школ...».

Типовых зданий школ никто для негосударственных учреждений не подготовил. Наиболее «продвинутые» муниципалитеты отдают в аренду закрывающиеся повсеместно детские сады. Закрывались они и в Ярославле. Просили и мы. У губернатора и у мэра...

Наконец и нам повезло. Дали-таки помещение... Пятый год располагаемся в двух зданиях на первых этажах жилых домов, откуда выехали муниципальные детские сады — им там неудобно было. Как могли, перестроили помещение, и всё же: классы проходные, рекреаций нет, буфетик крошечный, спортзала нет... А хочется — и театр, и музыкальный салон, и комнату психологической разгрузки, и чтобы классы были изолированные. Нужен хотя бы ещё один отсек — желающих учить у нас детей гораздо больше, чем мы можем расположить. Освободился соседний подъезд — в него вселили какую-то организацию.

Каждый год нас заливают и сверху (нерадивые хозяева пускают жильцов, а сами где-то в бегах, так что с них не спросишь), и снизу, что как бы законно: даже в договоре аренды так и пишут, что нельзя оставлять материальные ценности в подвале, его заливают...

А ведь было время... С мая 1992 года издавался журнал «Частная школа» под редакцией В.Жукова (теперь это уже раритет), а в недрах Государственной Думы готовились проекты Федерального закона РФ «О негосударственном образовании в Российской Федерации». Но ни один вариант проекта так и не стал законом. Законодатели ограничились только поправками к Закону «Об образовании».

Вместо этого началась повсеместная регламентация деятельности частных школ. Во всех областях: от соблюдения Базисного учебного плана (даже прокурор приходит проверять, не перегружаем ли мы бедных детишек в ущерб их здоровью) до правил об оказании платных образовательных услуг. Здесь уместной будет другая реплика на тему «Образование и деньги, или О правах без обязанностей потребителя образовательных услуг».

В некоем агентстве «Контакт» подобрали перезревшей даме мужа по вкусу. Но оказалось, что парень «не тайфун, не ураган». Дама, памятуя о своих правах потребителя, потребовала заменить его на другого безвозмездно. Директор агентства обречённо кивнула головой в знак согласия. Такие же картинки, как в мыльном телесериале, вскоре будут возникать повсеместно там, где оказывают образовательные услуги за деньги.

Согласно Правилам оказания образовательных услуг, предписывающим регламентацию отношений исполнителя и потребителя, исходя из закона «О защите прав потребителя», потребитель всегда прав. А образовательная услуга уподобляется недоброкачественному ботинку: оторвалась подметка — замени на другую пару. Или верни деньги.

Совершенно прав был комментатор этих правил, когда перечислил многочисленные нарушения существующих законов, которые проигнорированы при составлении этого документа. Оценку он вынес такую: «Насколько жизнеспособными окажутся эти Правила, покажет ближайшее будущее». Скажу откровенно: показывают уже недавнее прошлое и настоящее, ибо проверено десятилетней практикой оказания платных образовательных услуг. Таким опытом может с новичками поделиться любая частная школа.

Какие пункты Правил правильны, необходимы и достаточны? «Общие положения»: даже не используя понятия «потребитель» и «исполнитель», мы честно оказывали и, надеемся, будем оказывать образовательные услуги в полном объёме и в соответствии с государствен-

ной программой и учебным планом. За этим неусыпно следят чиновники из департамента, подвергающие нас аттестации. Пункт 2. Мы никогда не скрывали от «потребителя» информацию о том, как мы называемся и где находимся, а также о наших телефонах и прочих реквизитах. Наоборот, каждый год тратим достаточно большие деньги на то, чтобы разместить эту и иную интересующую информацию во всех удобных для «потребителя» местах (это называется «расходы на рекламу»). Однажды даже пришлось заплатить штраф за то, что информацию мы разместили на доске для частных объявлений. Заключение договора на оказание образовательных услуг — первейшее условие работы школы. Но как же мы работали по таким формам договоров, которые не утверждены федеральным органом управления образованием? И что теперь делать? Можем ли мы, как и прежде, работать или ждать высочайшего утверждения?

Пункт 3, самый главный. Об ответственности сторон. Об ответственности потребителя сказано вскользь и только в одном пункте. Зато об ответственности исполнителя — во всех семи пунктах. Очень грозным, на наш взгляд, является пункт 22: «При обнаружении недостатков указанных образовательных услуг... потребитель вправе потребовать безвозмездного оказания услуг...» Что это значит для частной школы? Предположим, договоры заключены, учебный год начался, школа набрала штат, рассчитала, сколько денег у неё будет на оплату аренды, коммунальных услуг, зарплату, пополнение материальной базы, то есть сверстала бюджет. Проходит некоторое время, и «потребители», а в данном случае родители, приходят и говорят: «Мне не нравится ваша образовательная услуга, я вижу в ней недостатки, моего Васю вы плохо учите. Учите сначала и бесплатно». А бедный Вася, как ни бьются с ним «исполнители» самой высокой категории, не только не хочет, но и не может учиться, потому что образовательная услуга — не подмётка, которую один пришивает, а другой носит. Общеизвестно, что обучение — процесс двусторонний, когда не только у учителя должно быть желание учить, но и у ученика должно быть желание учиться. Немало тому примеров знаем мы из своей практики. Был у нас некий ученик Алёша. Получил начальное образование в школе вальдорфской ориентации, где не научился ни читать толком, ни писать, а главное, чему он научился, — удовлетворять потребность в пище и отдыхе. Вышел из вальдорфской школы этакий юный гедонист. Привела его к нам мама с просьбой: научите уму-разуму. Уж мы и так, и сяк, и по головке гладили, и в строгости держали, и на индивидуальный план перевели — только приходи, Алёша, в школу. По телефону он отвечал: «Завтра, если соберусь, — приду». Так до сих пор и собирается. Пришлось его отчислить согласно нашему договору с мамой. А что, если бы не было у нас такого договора? Пришла бы такая мама и сказала: «Возместите-ка понесённые мною убытки, я вам платила, а вы моего ребёнка ничему не научили». Есть и другие родители, которые приводят детей с проблемными способностями (иначе говоря, не совсем способных) и требуют за свои деньги получить отличников и вундеркиндов. И тоже могли бы, согласно п. III пп. 25, потребовать полного возмещения убытков, поскольку школа не оправдала их ожиданий. Причём сделать это в конце учебного года, когда деньги уже истрачены на зарплату учителям, на ремонт, на мебель. Что делать тогда бедной частной школе? Только одно: объявить себя банкротом. Уж не такой ли конец хотят нам уготовить авторы данных Правил? А если согласно завершающему 26-му пункту Правил нас будут контролировать, кроме органов управления образованием, ещё и территориальные антимонопольные комитеты, общественные объединения потребителей, прокуратура и т.д. — то хоть «караул» кричи...

Во почему мы задали публично (Управление школой. 2000. №1) следующие вопросы юридической службе Министерства образования РФ: зарегистрированы ли эти Правила Министерством юстиции РФ? Имеет ли право какой-либо орган диктовать школе форму договора между физическими и юридическими лицами? Не спровоцирует ли этот, с позволения сказать, документ массовое банкротство частных школ и многочисленные судебные процессы? Газета получила ответ из Министерства образования РФ такого содержания:

«В статье содержится ряд справедливых критических замечаний по поводу известной «односторонности» документа. Действительно, при его подготовке Министерство антимо-

нольной политики весьма активно — и правомерно по сегодняшней законодательной базе — потребовало ввести в Правила все позиции, отвечающие законодательству о защите прав потребителя. Поэтому, бесспорно, глубокая — и непростая — проблема коренится в том, чтобы до некоторой степени вывести законодательные нормы, относящиеся к оказанию платных услуг в сфере образования, за рамки законодательства о защите прав потребителя, каковое «безразлично» к специфике образования (и де-юре приравнивает потребителя образовательных услуг к клиенту химчистки). Соответствующая законотворческая работа планируется Министерством образования, хотя, очевидно, она потребует значительных усилий и значительного времени.

...Поскольку Правила утверждены не приказом отраслевого ведомства, а Постановлением Правительства, то их регистрация в Минюсте не требуется (Минюст визирует данный документ на фазе его подготовки к подписанию). Правила утверждены правительственным постановлением за № 505 от 05.07.2001, официально опубликованы в «Российской газете» 11.07.2001 г. ...

...Правила поручают Минобразования разработать примерный договор между исполнителем (например, школой) и потребителем услуг. Примерный — это даже не типовый. Формат примерного договора имеет лишь вспомогательное, рекомендательное значение и не обладает нормативной силой. Скажем, для судов вопрос об утверждении Минобразования примерного договора вообще не будет никакого значения.

С уважением,
советник министра образования РФ А. Пинский»

...Вот так и живёт сегодня частная школа в России — востребованная людьми и забытая государством: по закону имеет право на финансирование, но деньги получить... не может.

г. Ярославль